

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παράλιπομένων

*Борис
Коплан*

Старинный лад

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ
(1919-1940)

Серебряный век. Паралипоменон

Борис Коплан

**Старинный лад: Собрание
стихотворений (1919–1940)**

«Водолей»

2012

Коплан Б. И.

Старинный лад: Собрание стихотворений (1919–1940) /
Б. И. Коплан — «Водолей», 2012 — (Серебряный век.
Паралипоменон)

Борис Иванович Коплан (1898–1941) был более известен как историк русской литературы XVIII и первой половины XIX веков. Он выпустил лишь небольшой сборник «Стансы» (1923), хотя стихи продолжал писать всю жизнь. В основу книги положен авторский рукописный сборник, сохранившийся, несмотря на аресты, заключение, ссылку автора и его гибель в тюрьме во время блокады Ленинграда. Настоящее издание полностью представляет читателю поэтическое наследие Б. Коплана. Более 50 стихотворений публикуются впервые.

© Коплан Б. И., 2012

© Водолей, 2012

Содержание

Стансы	7
Кладбище над морем	7
Туман	8
Пушкинскому дому	9
Красота твоя проникновенна	10
Стансы	11
Стилизация	12
Стансы	13
Стансы	14
Элегия	15
Элегия	16
Стансы	17
Странник	18
Стихотворения	19
Античные двестишия	19
Зимние стансы	20
Псалом	21
Псалом	22
Девушка, слезы невольные выпить мне дай поцелуем	23
Чтоб начертить в один присест	24
Романс	25
Из поэмы «Малинники»	26
Далеко я иду от моей избы	28
Не может сердце жить покоем	29
Из недоконченной поэмы	30
Из элегии	31
Осень в Петергофе	32
Мечта	33
На улице, в ночи, явилась мне она	34
С.А.Ш.	35
С.Ш.	36
Воспоминания в Губаревке	37
I	37
II	38
III	38
Ты слышишь Лермонтовской грусти чарованье	40
К жене	41
Ломоносов	42
Элегия на половину	43
О чем еще грустить. Вечерней тишиной	44
Душа цветет, когда любовь украдкой	45
Е. Шахматовой	46
Ей же	47
Жорж Санд	48
Девичья зимняя песенка	49
Жемчужина	50

А.А. Достоевскому	51
Страдание	52
Жене	53
Люди идут и думают	54
Преображение	55
С польского	56
Медовая песенка	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Борис Коплан

Старинный лад

Собрание стихотворений (1919–1940)

*Издательство искренне благодарит Юрия Сергеевича Коржа и
Алексея Геннадьевича Малофеева за поддержку настоящего издания*

Стансы 1923

Кладбище над морем

Памяти А. Блока

Хожу один между могильных плит.
Внимая тихому лобзанию волны.
Незримый дух молчание хранит.
В вечерних сумерках белеют валуны.

Не здесь ли, странник, соловьиный сад?
Ты видишь сам: здесь край земли.
Пускай не приплывают корабли —
Ты не пойдешь назад.

Останусь здесь, у моря, до луны.
Темнеет в сумерках лепечущий тростник.
К нему, таинственно немотствуя, приник
Ревнивый челн, возлюбленный волны.

Останусь здесь, а за моей спиной
Могильною очерченный стеной
Печальный сад, не соловьиный сад,
Где вечный страж у незакрытых врат.

Рыбачья Деревушка

Туман

На город пал туман, и вежды я смыкаю.
И, как слепой, иду – кто скажет мне – куда?
И слышу долгий звук, и в смысл его вникаю,
И мыслей тянется туманная череда.

Неверный шаг томит, и, сыростью охвачен,
Я страху поддаюсь, – и вот передо мной
Безликий призрак плачет, что утрачен
Великий дух в туманности ночной.

И плачет он, и руки простирает,
И хочет все обнять – и город, и меня,
И тихо вдруг в тумане умирает.
И сердце ждет взволнованное дня.

И день опустится, быть может, и туманный,
Но призраки не страшны будут мне:
Я в град иной уйду обетованный,
Где ждет Она в прозрачной пелене.

Пушкинскому дому

В старинных комнатах мы шутим иногда,
Благоговенья к ним исполненные дети.
Нет ничего для нас отраднее на свете,
Как вспоминать минувшие года
Не нашей жизни, нет. – Столетьем отдаленны.
Мы возвращаемся в мечтах, как наяву,
В век Александровский, священный, просвещенный,
Судивший нам и *лиру*, и *сову*.
Иных годин настигла нас чреда.
И, современные, мы – что ж – несовременны.
Но ждут нас подвиги. И в мыслях неизменны,
В старинных комнатах мы шутим иногда.

Красота твоя проникновенна

Красота твоя проникновенна,
Как весенняя природа,
Осененная нежной грезой.

Посмотри же умными очами,
Как трава растет, – послушай,
Озаренная лаской солнца.

Ты сказала мне, что жизнь прекрасна,
В ней печаль – очарованье,
Безысходной нет в ней боли.

Красота твоя проникновенна,
Красота твоя нетленна,
Осиянная Чистой Девой.

Стансы

Гр. А. Г[уковско]му

С тобой, о друг, поем, поем,
Старинной лирою бряцая,
И, Серафимов созерцая,
Творим восторженный псалом.

Парнаса знойные цветы
Мы в первой юности срываем
И своевольно призываем
Сантиментальные мечты.

Горим божественным огнем
В часы Венеры и Авроры;
На красоту взирая Флоры,
Мы слезы радостные льем.

И мы храним старинный лад,
Всегда торжественный и стройный,
И, бег времен следя спокойный,
Желанный празднуем возврат.

Стилизация

Луна плывет над маяком.
А Посейдон с трезубцем спит.
Но кто-то город сторожит
В очаровании ночном.

Русалки тихою чредой
Вокруг томятся маяка.
Но усыпленная река
Над их не сжалится тоской.

И вечно им томиться там.
Храня чугунные ладьи
И перси хладные свои
Являя северным ночам.

Стансы

Вдыхаю благовонный клевер.
Томлюсь о призраке полей.
Не очарованный ли север
Душе пригрезился моей.

Замолкла страстная рулада
Вдали промчавшейся грозы.
Алмазна роскошь Водопада
Блеснула волею Мурзы.

Спешу к тебе на север, Улла,
Воспламененный негой од.
Меня, быть может, Мариула
К мечтам о счастье не вернет.

Стансы

Н.Е.П.

Петровских линий огоньки
По-прежнему глядятся в мглу.
Ты снова видишь маяки,
Адмиралтейскую иглу.

Перед тобою вновь снега
И чаша северная звезд,
Возносит Ангел к небу крест,
И Всадник мчится к берегам.

Сбылось пророчество мое:
С тобой полярная звезда.
И пусть душа твое поет,
Пока цветут твои года.

Элегия

Опять сомненья и тревоги
В душе моей.
И блеск очей
Потух.
Черты лица недвижно-строги.
Теснится дух.
О чем, о чем
Из милых уст, не ожидая,
Услышал я!
О, как мечом,
Душа моя
Задета вдруг. И, не рыдая,
Рыдаю я.
Перемениться?
Мне все равно?
Нет! Чему молился, тому молиться
Мне суждено!..
Опять тревоги и сомненья
В душе моей,
И блеск очей
Потух...
Она презрела мои мученья
И гордый дух!

Элегия

Пройдет немного лет.
И маленький мой столик одиноко
В старинных комнатах затихнет без меня.
И, золотым лучом с лазури осень,
Напомнит солнышко: Ужели нет.
Ужели нет его, беспечного пророка!
И грустную чернильницу рука
Не оживит приветливым движеньем.
С торжественно-спокойным выраженьем
Не потечет певучая строка...
Но, может быть, настанет череда —
И затрепещет стих проникновенный,
Вспомнивший минувшие года,
И явственно прослышится тогда
И без меня мой голос вдохновенный.

Стансы

К.Н.А.

Все отдал, ничего не беря.
И мне стало вдруг так хорошо.
Я под темные своды вошел,
Незаметно молитву творя.

Постоял в тишине у икон.
Побеседовал с нищей в углу
И ушел через чашу колонн
В невечернюю тайную мглу.

И опять заблестели снега.
И опять мне сверкнула звезда.
Я теперь полюбил навсегда
Одинокой мечты берега.

Странник

По глазам мне ударили плетью.
Я ослеп. Но Господь простил. —
И опять я люблюсь сетью.
Золотою сетью светил.

И хожу от порога к порогу
Говоря с улыбкой: мир вам!
И, внимая пастушьему рогу
На заре ухожу к полям.

Не один, – но юноши, дети
И старцы идут за мной.
Рыбаки оставляют сети
И жнецы свой урок дневной.

И на светло-зеленой поляне
Я учу до вечерних зарниц.
И один за другим поселяне
Предо мною падают ниц

И уходят. А я одиноко
Дожидаюсь последней звезды.
Уж в реке зашумела осока.
Вышел пахарь взрывать борозды.

И опять я собираюсь в дорогу
Далеко ли – не знаю и сам.
И хожу от порога к порогу
Говоря спокойно: мир вам!

1922

Стихотворения (1919-1940)

Античные двустишия

В.В. Петуховой

Тысячи бедствий на землю рассыпала щедро Пандора.
Только Надежда одна скрылась в ларце у нее.

Строг судия подземного царства теней Ахеронта.
Знают грешники все: строг судия Радамант.

Смотрит в море Эгей, корабль ожидая Тезея.
Горе, горе, отец! – черный парус вдали.

Чтит дочь Хаоса – Ночь сам Зевс – властитель Олимпа.
В жертву ей приношу я вдохновенье свое.

Не торопись с приходом своим, стоустая Осса!
Смертному легче прожить, вовсе не зная тебя.

Брачный обет позабыв, Атамант покинул Нефелу.
Гневною Герой за то безумием был поражен.

Геба, пришли мне с Иридою нектара чудного каплю.
Я обещаю: тебе гимны мои посвятить.

1919

Зимние стансы

Крепости-Собора
Четкий силуэт.
Высятся мечети
Стройный минарет.

Маяки Петровы
Биржу стерегут.
Белые колонны
В темноту бегут.

Зимняя канавка.
Арки полукруг.
Огонек туманный
Замигает вдруг.

Шпиль адмиралтейский —
Светлая игла.
Корабли ночная
Скрыла полумгла.

Здания родного
Профиль-силуэт:
Первенец науки
Университет.

Редких пешеходов
Пятна вдалеке.
Снежные дороги
Видны на реке.

Темной полосой
Вдоль реки гранит
Урну ледяную
Стережет-хранит.

В белом покрывале
Спящая Нева.
В золотых созвездьях
Ночи синева.

13 февраля 1921

Псалом

Скажи мне, Господи, путь:
Им я пойду
К Тебе, взяв душу мою.
Мочь Твою познаю.
Ты говоришь: гряду
Мир миру вернуть.
Скажи мне, Господи, путь:
К Тебе приду.

Узнать начало конца
Мне не дано:
Не зная, лишь можно жить.
Повели же Тебе служить.
Веруя в Имя одно.
Промыслом Творца
Узнать начало конца
Мне не дано.

Во веки веков – аминь.
Бог Савваоф!
Лице Свое покажи.
Волю Твою скажи
Во веки веков!
Господи, не отринь!
Во веки веков – аминь,
Бог Савваоф!

Скажи мне, Господи, путь:
Им я пойду
К Тебе, взяв душу мою.
Мочь Твою познаю:
Ты говоришь: гряду
Мир миру вернуть.
Скажи мне, Господи, путь:
К Тебе приду.

26 мая 1921

Псалом

Господи! Сколько путей! —
И лишь один к Тебе.
В борьбе? Нет, не в борьбе.
Страду рыбачьих сетей
Оставь, оставь судьбе,
Сердца уловляя людей.
Господи! Сколько путей!
И лишь один к Тебе.

4 июня 1921

Девушка, слезы невольные выпить мне дай поцелуем

Девушка, слезы невольные выпить мне дай поцелуем.
Слезы твои глубоко в сердце запали мое.
Ими оно навсегда, как живительной влагой, омылось.
Сладостно в сердце звучат тихие слезы твои.

1921

Чтоб начертить в один присест

Чтоб начертить в один присест
Стихи на случай, нужно ль много?
Нет – лишь бы улеглась тревога,
А там – пиши: привет, Модест,
Тебе от младшего собрата!
Хоть для тебя уж нет возврата
К беспечной юности, но ты.
Ты не прогнал еще мечты.
Животворящие легенды;
Ты не отвык еще в тиши
Внимать волнениям души.
Встречать урочные календы.
Благословляя их приход;
Ты не забыл тетради нот.
Подаренной тебе Каменной,
Еще клянешься Ипокреной
И чтишь еще священный грот.
Что ж больше? Кажется, довольно!
Живешь ты юношески вольно;
Ты – правоверный пушкинист;
Дух времени тебя не сгубит,
И уж наверно не полюбит
Тебя двуличный коммунист.
Тебя... Но с Ангелом когда же
Поздравлю я? Учтивый он,
Твой Ангел! «Вот уж, вот уж, – скажет, —
Неисправимый ветрогон!»
Прости! Ведь дело поправимо:
Привет – мой первый будет стих.
Отменных доблестей твоих
Пройти мне не хотелось мимо.

<1921>

Романс

Душа спешит на звездный водопой.
Спешит уйти от ослепительного снега.
Девушка, в ласковых встречах с тобой
Радость и томная нега.

И звезды сыплются из чаши золотой.
И не прервать душе мечтательного бега.
Девушка, в ласковых встречах с тобой
Радость и томная нега.

И звуки льются влагою ночной,
И не достичь душе томительного берега...
Девушка, в ласковых встречах с тобой
Радость и томная нега.

1921

Из поэмы «Малинники»

Не знал я сельской тишины,
Но мил мне стройный Петроград.
Я искренно скажу, что рад
И век в нем жить. Хотя даны
Мне свыше скромные мечты
О тихой жизни без тревог
Среди проселочных дорог,
Где нет безрадостной тщеты.
Где нет бездушной суеты.

Забывать ли мне мой город! Нет:
Невы державная струя.
И золотые острия.
И прибережный парапет.
И старожилы-маяки.
И крепость – первенец Петра...
Я рад от утра до утра
Стоять недвижно у реки.
Всю ночь считая огоньки.

Сказать ли только: ты возник
По воле чудной, Петроград.
С небес сияющий каскад
На твой задумавшийся лик
Спадает влагой золотой;
Твоей реки дремотный дух
Ласкает тайной речью слух.
И дышит Всадник над рекой.
Хранящий город вековой.

И дышат город и Нева.
Завороженные навек.
Голубоватый легкий снег
Земли касается едва.
Покров набрасывая свой;
И жемчуга его горят.
Лаская утомленный взгляд.
И тучки грезят над водой.
Затканны призрачной луной.

Иду в полночной полумгле
Пустынным берегом реки.
Уже потухли огоньки.
И только отблеск на стекле
Дворцовых окон от луны.

И спит Растреллевский дворец.
Лишь я – полуночный певец, —
Не пробуждая тишины.
Касаюсь дремлющей струны.

.....

Скажи: ты помнишь Летний сад
С его решеткой кружевной?
Как ты искал в полдневный зной
Тенистой неги у дриад.
Как любовался ты игрой
Детей, и дедушка Крылов,
Казалось, говорил без слов
Народной мудростью с тобой,
И безыскусной, и простой.

Не нам, не нам забыть цветы
Невинной юности своей,
И не отнимет Гименей
От нас беспечные мечты.
Казанский помнишь ли Собор?
О, сколько вдохновений в нем
Сожгли мы жертвенным огнем.
И я, как ты, всё до сих пор
Сентиментальный вояжер...

1921

Далеко я иду от моей избы

Далеко я иду от моей избы
Через лес весенней тропой.
Уйду ль, не уйду ль от моей судьбы —
Но вернусь не с пустою сумой.

Насбираю я песен в родном краю,
Запасусь мечтами навек.
И вернусь богатым в лачугу свою,
Лишь первый выпадет снег

<1921-1922>

Не может сердце жить покоем

«Не может сердце жить покоем»¹,
Доколь покоя не дано.
Псалмы читаю пред налоем...
Не стало б в жизни мне все равно:
Боюсь бездомного скитанья,
Боюсь удушливой тоски.
Не дай, Господь, без упования
Остановиться у реки,
Чтоб заглянуть в немое лоно
И броситься, перекрестясь.
О, дай мне мудрость Соломона,
Чтоб не порвать святую связь...

Но скажет Бог: царя Давида
В пустыню гнал Авессалом —
Какая ж смертная обида
Твой возмутит ко мне псалом.

10 февраля 1922

¹ 1 -й стих – из Блока.

Из недоконченной поэмы

Он заглянул в ночное море —
Звездное море – и зарыдал.
«Девушка пела в церковном хоре»...
О, если б я судьбу разгадал...

Он полюбил свою мечту,
Певец мечтательный и нежный,
И дружбе с жизнью безмятежной
Он изменил. Но красоту
Постиг душой своей безбрежной.

Июль 1922

Из элегии

Я возвращусь восторженный и страстный
К спокойным ларам, и в тиши ночной
Придешь ко мне и ласковой, и властной
Таинственно беседовать со мной.

Я посвящу тебе сокрытые виденья,
Моей камены знойные цветы,
И до зарниц тревожных пробужденья
Со мной, любимая, пробудешь ты.

И ты уйдешь – но за тобою следом
Пойду с тоской, понятною лишь мне.
Пусть будет жизнь тогда безумством или бредом,
Пусть я сгорю в мучительном огне.

30 ноября 1922

Осень в Петергофе

Л.В. Николаеву

Много красок на кусты и деревья
Наложила художница-осень.
А влюбленный в нее ветер
Все дороги убрал коврами.
И застыли в осенней истоме
Молчаливые изваянья.

Но дворцы пустынные рады
Вдохновенному пиру ветра.
И умолкнувшие фонтаны.
Затишающие водопады
Вместе с ними грустят о прошлом.

И дубы вековые, и клены.
И березы, и даже ели —
Вместе с ними грустят о прошлом...

И вдали на могучем органе
Божественные фуги
Играет извечно море,
Никакой не зная печали...

1922

Мечта

Обрывок черный вуали.
Обрывок белый письма...
А сколько тайной печали!
Какая на сердце тьма!

Казалось – счастье близко.
Казалось – любовь без конца.
Но тучи нависли низко.
И некуда спрятать лица.

И ходишь, как будто потерян.
Как будто без крова живешь;
Ни в ком и ни в чем не уверен.
Ничего ниоткуда не ждешь.

Только песни остались и звуки.
Только слово одно – мечта...
И бесстрастные тронут руки
Ту вуаль и обрывок листа.

1922

На улице, в ночи, явилась мне она

Д.М. Потемкину

На улице, в ночи, явилась мне она
При блеске матовом петропольской луны:
Под крестной ношей согнута спина,
И вдаль безумные глаза устремлены...

Ты не видал ее на стогнах городских,
Стоящую одну по вечерам?
Ты не видал ее на торжищах людских?
Ты не видал ее, входящую во храм?

Нет, ты видал, но ты спешил пройти,
Боясь узнать ее, заблудшую жену.
Нет, ты видал, но ты искал пути
В далекую, туманную страну.

И не нашел... И вот опять она,
Как нищая, явилась за тобой,
Сияньем мертвенным луны окружена,
Под крестной ношей согнута спина,
В глазах упрек жестокий и немой.

17 февраля 1923

С.А.Ш.

Я песен не жалел. Но, чуждыми друзьями
Обманутый, я песни затаил.
И жил один. И дни текли за днями.
И грезился ночами Азраил.

И полный страсти, полный искушений,
Я прежний путь уже не находил
И тщетно ждал таинственных свершений,
Следя бесстрастное течение светил.

Но друг иной пришел с заветными словами
И скорбь мою и страх не осудил.
И снова отдых полн бестрепетными снами,
И снова мне не страшен Азраил.

2 апреля 1923

С.Ш.

Жемчужину в долине океана
Добыть искателю жемчужин легче,
Чем на земле, то солнечной, то темной,
То радостной, то скорбной и туманной,
Найти такую душу, как твоя.

12 апреля 1923

Воспоминания в Губаревке

Посвящается памяти А.Л. Шахматова

I

Померкнул синий блеск таинственных ночей.
Уюта старого иссякнул аромат...
Стою в безмолвии у затворенных врат
И слышу мерный звон обманчивых ключей.

Где ты, родимый дом, родимый мой очаг?
Пять лет уже прошло, как двадцать-тридцать лет...
Какой тяжелый сон, какой кошмарный бред!
О, как, цветок весны моей, ты не зачах!

К тебе спущусь опять, зеленый мой родник.
Ты примешь ли меня, как прежде принимал,
И будешь ли журчать, как прежде ты журчал,
О, если б твой шумок мне в душу вновь проник!..

Сойду под сень твою, густой старинный сад,
В прохладном сумраке таинственных аллей
Детьми играли мы в подводных королей,
И нашим царством был в овраге водопад.

Дорожки скрытые, о, сколько, сколько раз
Меня спасали вы от шумных-нудных встреч,
И в тишине глухой вели со мною речь
Осина, липа, дуб, ольха, береза, вяз.

Я посещу и вас, крестьянские дворы,
Спугну гусей и кур и скученных овец,
Введут ли там меня, как прежде, в погребец,
Чтобы спасти меня от тягостной жары?..

Певучие я вновь услышу голоса
И много вспомню вдруг я прозвищ иль имен,
И повесть скорбная из дедовских времен
Пройдет передо мной, как тучек полоса.

Не с этой ли горы Емелька Пугачев
Оглядывал простор саратовских полей
И, буйною гордясь победою своей,
Нетерпеливо ждал разосланных гонцов.

Здесь пушки вижу я, свидетелей борьбы
Помещиков степных с разбойничьим главой.
Тогда повешен был и прадед бедный мой
Мятежником лихим и баловнем судьбы.

Емелька был казнен. Но пугачевский род,
Пройдя через века, восстал в стихийный век
И на берегах святых великих русских рек
В дворцах и хижинах зажег переворот.

Квадриги пронеслись родной моей страны.
Столетиями мелькнув, – им нет пути назад.
Но, той же страстию объятые, горят
Потомки бледные великой старины...

II

Какой роскошный взмах косматых облаков!
И словно райских птиц непостижимый взлет!
И, к небу схвачена, душа твоя замрет,
Свободная от зла и от земных оков.

Ночь. Степь. Деревня спит. И только путь стрелой
Летит чуть видимый неведомо куда,
И в горнем храме одинокая звезда
Горит, небесный освещая аналой.

За ночью ночь и день за днем плывут-растут,
Все для меня равно мгновенны и легки:
Я их собираю, словно в поле васильки,
И в память связываю лентой минут.

Прости, мой дом, опять ты без меня
Застынешь, сырый и разрушенный в глуши,
Но знай, что будут жить отныне две души,
Святую память о покинутом храня.

Как не хранить! Не ты ли охранял
Труды и дни того, кто в глубь веков проник,
Кто лучше всех познал российский мой язык.
Кто знал, что значит Русь и русский идеал.

III

Не тем ли, русские, мы славны и горды,

Что с честью выплыли из гибельных веков,
Что Русь избавили от варварских оков
Гостей непрошенных из Золотой Орды.

Татары! Горе нам! И села вмиг пусты,
И с воплем Русь бежит в заволжские леса,
И за селом село горит, и небеса
С землей сливаются в кровавые мосты.

Теперь смотрю кругом с саратовской горы
И вижу: там вдали рассыпался Увек
Равниною степной. На ней в татарский век
Сурово высились ордынские шатры.

А ближе – вот она, широкой полосой
Царица русских рек теряется меж гор.
Не ты ли, матушка, и счастье, и раздор
Вселяла много раз в стране моей родной!

Не по тебе ль ходил отважный атаман
На челнах расписных. Не ты ль хранишь утес,
Где он, разбойничьих и страшных полон грез,
Готовил вольности несчастливый обман.

Но все же ты теперь свободную волну
Победно мчишь чрез Русь и русским городам.
Покорным, как и ты, мятежности годам,
По-прежнему даришь несметную казну.

И я помчусь, как ты, свободная река,
Когда моя душа с душой слилась другой.
И снова зазвонят под расписной дугой
Все колокольчики под песню ямщика.

Нам замелькают вновь златистые поля,
Тысячеверстные, открытые ветрам,
И сладкой свежестью уьемся по утрам,
Когда росой лугов нас окропит земля.

Нам позабыть ли вас, о Волга, Жигули!
Вы снова верой в Русь наш воскресили дух.
И шума вашего так жаждать будет слух,
Когда мы будем жить вдвоем от вас вдали.

*22 июля / 4 августа 1923
Саратов. Волга*

Ты слышишь Лермонтовской грусти чарованье

<Д.Н. Марковичу>

Ты слышишь Лермонтовской грусти чарованье,
Нездешних песен благостный порыв.
И чувств нечеловеческий надрыв.
И на небесную обитель упованье?

Мятежным Демоном таинственно томим.
Он в горы уходил, чтобы молиться звездам.
И там слетал к нему Хранитель-Херувим.
Когда, измученный, он приближался к безднам...

Ты слышишь Пушкинской гармонии волненье,
И Музы царственной волшебную свирель,
И мирных струн классическую трель,
И чувств возвышенных небесное томленье?

Смятения и звуков горних полн,
Он убегал в широкошумные дубровы,
И с берегов вечнозвучащих волн
Неслись его восторженные зовы.

4 сентября 1923

К жене

Теперь не скрою я тайной маской
Свое лицо.
На безымянном сверкает лаской
Твое кольцо.

Не буду петь я с тоской суровой
О злой судьбе.
С душой воскресшей, с душою новой
Иду к тебе.

Ты не отвергла мольбы безмолвной.
Раскрыв печаль.
Душою чуткой, любовью полной
Манила вдаль.

И снова верить могу отныне
Былым мечтам.
И никому уж моей святыни
Я не отдам.

11 сентября 1923

Ломоносов

Он в Конференцию вошел, крича:
– От Академии меня отставить?!
Элементарнейших не знаете начал!
А без меня – и Академия пуста ведь! —

И, хлопнув дверью, он ушел к себе,
В лабораторию химических открытий,
Чтобы с таинственной Натурой в борьбе
Найти ее невидимые нити...

Утихнул гнев, и горечь всех обид
Забыта вмиг. И, вдохновенья полный,
Он чисел ряд восторженно чертит
И вдаль глядит, Нева где катит волны.

И грезится ему полярных деревень
Суровый круг, и он бросает числить...
Текут в стихах взволнованные мысли:
«Лице свое скрывает день...»

15 сентября 1923

Элегия на половину

<Д.Н. Марковичу>

Ты жертвуешь уже поэту лист второй
Бесспорно объективного альбома.
Чтоб стариной тряхнуть и помечтать порой.
Как за стихами грустными Прюдома.

Ведь ты мечтал не раз, не раз и разбивал
Мечты свои о каменные плиты.
И снова мчал к тебе мечтанья страстный вал —
Ты верно скажешь – моря сын сердитый.

Не утихает жизнь... Но, друг, прости меня!
Ты не грустишь теперь. Зачем пучиной
Пугаю я тебя средь солнечного дня
И заменяю солнца свет – лучиной...

27 ноября 1923

О чем еще грустить. Вечерней тишиной

О чем еще грустить. Вечерней тишиной
И лаской неожиданных стихов
Так успокоено взволнованное сердце.
Оно простит недавние обиды,
Простит незаслуженные страдания
И упрекнуть не сможет никогда.

И все ему прелестно, как и прежде:
И ветра невеселенные порывы.
И пенистые радостные волны.
И набережных стройные граниты.
И улиц бесконечные ряды.

А дома что? В старинных переплетках
Столетием взлелеянные томы,
И на столе рабочий беспорядок.
И по стенам старинные портреты.
Дневная и ночная тишина.

Прелестно всё. И хочется работать.
Жаль погасить глубокой ночью лампу.
Жаль отложить перо, бумагу, книги,
Немых друзей оставить для постели,
И трудно оторваться от стола.

И нет усталости. И сон не клонит вежды,
И ждешь зари, и ей стихи готовишь

.....

1923

Душа цветет, когда любовь украдкой

Душа цветет, когда любовь украдкой
Покой дарит.
Душа цветет, когда надеждой сладкой
Любовь горит.

Душа поет, и песен рой стыдливый
Летит к полям.
Душа поет, и песни звук пугливый
Уж млеет там.

В душе порыв, покой смущен волненьем
Любви в груди.
В душе порыв – не заглушай сомненьем,
Люби и жди.

<1923-1924>

Е. Шахматовой

Двадцать один! – начертал на заветном пергаменте Хронос.
Не изменись! – пожелал солнечный бог Кифаред.

19 июля 1924

Ей же

Мудрым извечно словам великого мужа Эллады
Светлой и чуткой душой, чуждая страха, внимай.

<1924>

Жорж Санд

Вл. Каренину (В.Д. Комаровой)

Весь мир преображен. Где ты, моя земля.
Страна мятежности и славы и позора?
Летят мечты мои в Беррийские поля.
В леса и пастбища, где расцвела Аврора.

И сказки древние святых монастырей
Я с нею слушаю и с ней в молитвах таю,
И жажду жизни смысл понять, раскрыть скорей,
И птиц в полях небес слежу так жадно стаю.

Я плачу над Руссо, я Байроном пленен,
Недавно вырвавшись из чащ Шатобриана.
В Париж! В Париж! Мой ум и дух мой воспален.
Прости, о Лелия, о Жак, о Индиана!

Но жизнь течет, как кровь, бунтуя гордый ум.
Где тишина, где одиночество Ногана?
Где сельские мечты? В томленье страстном дум
Я революции так жажду урагана...

Иль лучше хижина и деревенский люд,
И зелень, и цветы, спокойные долины,
Где сладко вспоминать шопеновский прелюд,
И нежный стих Мюссе, и арии Полины.

Декабрь 1924

Девичья зимняя песенка

Китежской сказкой окутан.
Город замрет.
Перенесись на минуту
В звездный ночной хоровод.
Душа моя – безгрешна.
Звездная ночь к ней прильнет
Очарованьем нездешним
Ласково обовьет.

Ой, одиночество люто.
Отзвуков нет на земле.
Жизни считаю минуты.
Слезы блестят во мгле.

Ой ли, весенняя нега!
Знаю: придешь – но когда?
Тает медленней снега
Павшая в душу беда.

Песня за песней вьется.
Эх, была – не была!
Мне ль эта песнь поется —
Дева весной у колодца
Милого друга ждала.

Март 1925

Жемчужина

Жемчужину глупец увидел на дороге.
– Проста она, – сказал, – бедна, оправы нет.
Вот если бы нашел я золотой браслет,
Куда как заплясали б ноги!
Осталась бедная жемчужина в пыли,
Прохожие ее чуть-чуть не раздавили.
Но, к счастью, ее увидел издали
Мудрец бесхитростный. Подняв ее из пыли:
– Вот то, – воскликнул он, – вот то, что я искал
И все найти не мог! – и бережно и нежно
Стал он с жемчужины пылинки все сдувать
И к сердцу радостно, любовно прижимать.
Нечаянна была та радость и безбрежна.
Жемчужинам подобные сердца
Так часто брошены с презреньем, без вниманья.
Но жизнь не властна их затмить очарованье,
И Провидение пошлет к ним мудреца.

Апрель 1925

А.А. Достоевскому

Сладко от старшего друга услышать приветное слово.
В Пушкинском Доме давно музам я робко служу.

5 ноября 1925

Страдание

Е.П.Н.

Много слез вам не я напророчил.
Жизнь – не шутка, любовь – не браслет.
Больше дней вы полюбите ночи.
Больше сна вы полюбите бред.

Больно мне. Сердце кровью точится.
Как подумаешь: гибнет сестра.
Мне улыбка страдания снится:
Знаю, вам не уснуть до утра.

Как помочь? Люди! Закоченели.
Сердце сердца бежит. О, прости!
Так и бросят средь снежной метели,
А метель замела все пути.

Люди! Что ж? Тишина лишь лесная.
К сердцу бьет неутихшая кровь.
Только Бог, только Он и узнает
Ваши слезы, тоску и любовь.

1925

Жене

Ты разрешила жребий твой высокий.
Когда *его* раздался первый крик:
Алешенька к груди твоей приник
И жадно пьет живительные соки.

30 декабря 1925

Люди идут и думают

Люди идут и думают —
Каждый – про себя.
Лица у всех угрюмые.
Словно живут не любя.
Я же люблю вселенную.
Каждый атом люблю.
Душу ль мою нетленную
Здесь на земле загублю!
Нет. Для любви и нежности
Разве не стоит жить? —
Чтобы потом в безбрежности
Не умирая парить.

24 апреля 1926

Преображение

Нет, сердце мое не закрылось
Для песен и нежных слов.
Я в церкви взошел на клирос.
Чтоб шесть прочитать псалмов.

В тот вечер душа захотела
Улететь в небозвездную высь.
Я не чувствовал брennого тела.
Не томила не дольная мысль.

И весь трепеща в молитве
О тебе и сыне моем.
Я увидел на звездном жнитве
Христа с золотым серпом.

Колосья – то были звезды.
А серп – то месяца лик.
Как радостно капали слезы.
Когда я к траве приник!

В тот миг я был полон тобою.
О нежный мой друг – жена!
Фаворскою светлой тропою
Пройти наша жизнь должна.

20 августа 1926 н./ст.

С польского

М. Д. Б[еляеу]

Что на сердце грустно?
Что опять оно
Снов невоплощенных.
Тщетных грез полно?

Стонет песня-греза.
В сердце грусть-печаль.
Вздых мой уплывает
Невозвратно вдаль.

Снова налетели
Чары юных дней.
Пламенных желаний.
Призрачных теней.

Тщетны все желанья:
В вечной тишине
Навсегда умолкнем
В непробудном сне.

1926

Медовая песенка

У отца Василя
Пасека и мед.
Много и усилья.
Много и хлопот:

Раннею весною
Караулить рой.
Чтоб не скрыться рою
С маткой за горой.

И поймать в лукошко.
Посадить в домок.
(Для гостей – немножко —
Должен быть медок.)

И они, вощину
Превративши в сот.
Полетят в долину
Соберут в ней мед.

И с цветочной данью
На подлет улья
Чуть не без дыханья
Упадет семья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.